

фантастическая
история

Книги Андрея Величко
в серии «Фантастическая История»

НАСЛЕДНИК ПЕТРА. ПОДКИДЫШ
НАСЛЕДНИК ПЕТРА. КАНДИДАТСКИЙ МИНИМУМ

**Цикл
«Инженер»**

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ

**Цикл
«Терра инкогнита»**

ЭМИГРАНТЫ
ВЕК ЖЕЛЕЗА И ПАРА
ЭРА НАДЕЖД

**Цикл
«Приносящий счастье»**

ДОМ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА
ПРИНОСЯЩИЙ СЧАСТЬЕ

МОСКВА, 2014

фантастическая
история

Андрей Величко

Наследник Петра.
Кандидатский
минимум

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 2010 году
Выпуск 88

Величко А. Ф.

В27 Наследник Петра. Кандидатский минимум: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 314 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1687-5

Парень, заброшенный в восемнадцатый век из двадцать первого, не только выжил, но и закрепился на царском троне. Ему даже показалось, что дальше пойдет не жизнь, а натуральная сказка. Может, так оно и есть, но только сказка получилась какая-то скучная и злая. Да, самому убивать уже не приходится, но отдавать жестокие приказы все равно надо. Денег вечно не хватает, остается экономить на всем, вплоть до такой мелочи, как фонтаны. Нельзя доверять самым близким друзьям, даже любимой женщине, ведь она тоже имеет пусть и неопределенные, но все же права на трон. И, наконец, скоро придется жениться, причем явно по расчету! Ну разве это жизнь? Впрочем, Сергей Новицкий считает, что да. Потому что раньше все было еще хуже. И есть надежда, что в будущем хоть что-то да исправится.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Величко А. Ф., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1687-5

ПРОЛОГ

Наследный принц Пруссии Карл Фридрих Гогенцоллерн уже четвертый день жил в северной столице Российской империи Санкт-Петербурге. Этот город оказался вовсе не таким уж диким, как представлялось Фридриху при отъезде, но и далеко не столь цивилизованным, как Берлин. Принцу казалось — он начинает понимать, что имел в виду его отец, сказав перед самым отъездом:

— Русский царь обещал мне, что там ты быстро научишься любить свою родную Пруссию. Говорят, он всегда делает то, что обещает.

По приезде принца определили на жительство в большом дворце, расположенном вдоль реки Невы. Занимался этим сравнительно молодой парень по имени Васко, названный, похоже, в честь знаменитого португальского мореплавателя. Он вызвал у принца такое доверие, что тот даже осторожно спросил — правда ли, что по улицам русских городов свободно разгуливают медведи?

— Ну что вы такое говорите, ваше высочество, — быстро перевел ответ русского сопровождавший принца гренадерский лейтенант Леман, — им сейчас не сезон. Вот ближе к зиме, может, и появятся.

Однако, похоже, Васко говорил это только для того,

чтобы успокоить гостя. Потому что вчера утром Фридрих видел медведя своими глазами. Косолапый шел вдоль фасада дворца со стороны Невы, заглядывал в окна, принюхивался и облизывался. Правда, он был не очень велик, но, может, это просто разведчик, а вся стая прячется где-нибудь неподалеку? В общем, принц на всякий случай пока не рисковал выходить на улицу, хоть ему это вроде и не возбранялось. Нет уж, лучше дождаться приезда русского царя. Он, как сказал Васко, скоро выедет в Санкт-Петербург.

ГЛАВА 1

Его императорское величество Петр Второй получил пакет из северной столицы через неделю после успешного во всех смыслах запуска маяка. Писал ему Василий Нулин, комендант Летнего дворца. Такое звание было присвоено ему из тех соображений, что мажордомом Сергей делать его не хотел, потому как бывший начальник Нулина тоже пока оставался мажордомом. Правда, дворец в ведении Нулина был куда меньше, чем Лефортовский, но круг обязанностей несколько шире, чем у Афанасия Ершова. Комендант должен был регулярно осведомлять императора о том, что творится в городе Санкт-Петербурге. И вот, значит, пришло очередное письмо на эту тему. Оно было написано простыми буквами, а не «человечками», хотя в Летнем дворце имелась и шифровальная доска, и шифровальщик. «Значит, ничего хоть сколько-нибудь секретного это послание не содержит», — сделал вывод Новицкий и приступил к чтению:

«Здравствуй, ваше величество государь-батюшка, на множество лет. Как ранее сообщал ты мне, третьего дня прибыл к нам немецкий принц Фридрих. Кстати, вовсе он не карла, ростом всего на полголовы ниже меня. Но зело хлипкий, это да. Сразу меня про медведей спросил, а я, конечно, твои указания помню. Однако егеря, холеры такие, за зверя больно дорого запросили, и пошел я в

свейское посольство. Они там от безденежья и бескормицы пребывают в полном расстройстве, и, чтоб хоть какую деньгу добыть, начали медведей разводить на продажу. Вот я у них и купил медведика всего за семь рублей с гривенником, хотя поначалу нехристи просили двадцать, да сделал так, чтобы принц его увидел. Немчик теперь даже на первый этаж спускаться опасается, куда там по улицам ходить. Сидит у себя и прилежно русский язык учит. Среди прочих слов знает уже и три ругательных, а самое короткое из них даже написать может.

В гишпанском же посольстве совсем стыд потеряли, торгуют безобразными тварями, коих лекарь из Академии назвал бибизянами, а Ягужинский Павел Иванович — мартышками. Где берут, никому неизвестно, но я, кажется, догадался. Главному гишпанцу прислуживает арапчонок, мелкий, губастый и весь из себя кучерявый. И две кошки у них есть. Так вот, мнится мне — ежели оный арап над кошкой совершит непотребство, то как раз такая тварь и получится. Я одну, которую саксонскому послу продали за сто десять рублей, своими глазами видел. Ну прямо точно как родитель, только ростом еще меньше и с хвостом.

Есть у меня знакомая девка на кухне саксонского посольства, так она мне шепнула, что эта бибизяна посла в тот же вечер покусала. За какие места — не говорит, а токмо хихикает. Посол же с утра напился до изумления, взял фузею и начал из окна палить, но с пьяных глаз ни в кого не попал. Однако народ там ходить теперь все равно стережется. Мыслью, государь, что ежели тебе понадобится кого-нибудь наказать, но не явно, то в самый раз будет ему сию гнусную тварь бибизяну и подарить. Про французское и ганноверское посольства я помню, но пока писать про них рановато. Узнаю что с подтверждениями — отпишу тут же.

Верный твой слуга комендант Васька Нулин».

Сергей отложил письмо. Что ж, бывший камердинер, а ныне комендант, кажется, оправдывает надежды. Впрочем, точно это получится сказать только после прихода следующего письма, уже зашифрованного, в котором не будет смелых гипотез о происхождении мартышек, зато наверняка окажется отчет о том, кто, под каким видом и за какие деньги завербован в терпящих финансовое бедствие испанском и шведском посольствах. Хватит бедолагам торговать зверьем, продажа Родины принесет куда большие дивиденды.

Дело в том, что император с детства, проведенного в хрущевке на Большой Черемушкинской, был довольно упорным и последовательным человеком, а обучение в Центре еще более усилило эти качества. И, значит, раз уж он определил в качестве одной из основных целей на ближайшие десять лет завоевание Крыма, то к этому надо основательно готовиться, по возможности не отвлекаясь. Но ведь не получится же! Сначала придется вступать в польскую свару, потому как через два года помрет Август Сильный, и надо будет вместо подготовки к крымскому походу гонять его преемника Лещинского по всей Польше, да еще и осаждать Данциг, который, между прочим, России совсем не нужен, зато Пруссии — позарез.

А потом французы науськают шведов, и те тоже полезут на нас, а с Крымом тогда еще наверняка не будет закончено! В общем, Сергей собирался сделать все возможное, чтобы эти ненужные войны, если уж их не удастся избежать, потребовали минимального напряжения сил.

Что интересно, агентура в Польше появилась у Новицкого благодаря пронырливости одной из ключевых фигур голицынского заговора, Лестока. Этот хмырь, увидев, что дело не срослось, тут же сбежал, захватив с собой не только красавицу-любовницу, но и двух ее слуганок. И всю дорогу забалтывал бедную девушку Анюту, внучку бабушки Анастасии Ивановны, рассказами о

том, какие сияющие перспективы ждут их в Польше. Если, конечно, Анята поведет себя правильно.

Короче, сразу после Калуги Лесток предложил ей стать любовницей короля Августа, сказав, что первую встречу он им обеспечит, а все остальное пойдет само собой. И, как признал Сергей, сочинил не такой уж плохой план, который действительно мог сработать именно в силу своей беспримерной наглости.

То есть в Польшу должна была въехать не простая московская девушка, совсем нет. А спасенная благородным Лестоком княжна Екатерина Долгорукова, которую бесстрашный Иоганн Герман вырвал из кровавых лап царя Петра, вывез из сибирской ссылки и помог наконец-то достичь цивилизованных мест.

Получив письмо, рассказывающее о планах Лестока, император поначалу решил, что это авантюра, причем без малейших шансов на успех. Потому как Анята походила на Екатерину не больше, чем Елизавета — на свою подругу Мавру. Однако, немного подумав, молодой царь пришел к выводу, что именно поэтому все и может выгореть. Ибо Анята была примерно настолько же красивей и обаятельней Катьки Долгоруковой, насколько Лиза — Мавры. А уж если ее признает княгиней сам король, то всем прочим останется только утереться. Тем более что вряд ли хоть кто-нибудь из приближенных короля видел не только саму бывшую царскую невесту, но даже ее портрет.

В конце сентября благородный медик, «княжна Долгорукова» и две ее служанки прибыли в Варшаву, и вскоре король Август, заинтересовавшись беглянкой неординарной судьбы, снизошел до аудиенции. После которой произошло их еще несколько, более продолжительных, с гораздо меньшим количеством свидетелей и в лучше приспособленных для этого местах, нежели зал для малых королевских приемов. Лесток довольно потирал лапки — наверное, он представлял себе, какой золотой дождь прольется на него, когда положение новой ко-

ролевской пассивности хоть немного упрочится. Потому как должна же она понимать, чем обязана ему и что с ней будет, если он раскроет ее действительное происхождение?

Разумеется, Аня это отлично себе представляла, поэтому аккуратно через две недели после прибытия в Варшаву Иоганн Герман исчез. Вот так — еще вчера был, а сегодня — никаких следов! Княжна даже робко попросила короля помочь ей разузнать хоть что-то о судьбе благородного доктора, буквально спасшего ее от смерти во глубине сибирских руд, Август обещал помочь, но, похоже, без особого энтузиазма. На том дело и кончилось, то есть княгиня, самую малость погоревав о своем внезапно пропавшем спасителе, с еще большим пылом ринулась искать утешения в объятиях короля.

Похоже, Август Сильный оказался отзывчивым человеком, ибо обычно половина его любовниц отсеивались после первой же ночи. Совсем немногие смогли удержаться при короле хотя бы месяц. Правда, при дворе ходили легенды, что лет двадцать назад какая-то дама неопределенной национальности заставила Августа потерять голову почти на полгода, но Аня и не собиралась ставить рекорды, двух с небольшим месяцев ей вполне хватило. При расставании король повел себя донельзя благородно, то есть лично подыскал мужа несчастной беглянке. Естественно, не простого, а князя, причем из довольно древнего рода Браницких. Кроме древности рода у князя имелось и еще одно несомненное достоинство — возраст. Ему шел семьдесят третий год, и, неплохо зная как бабу Настасью, так и ее самую способную ученицу, внучку Анюту, Сергей предполагал, что вскоре княгиня Браницкая овдовеет по какой-нибудь самой что ни на есть естественной причине. Ибо князь был к тому же еще и беден до крайности. Разумеется, молодая жена имела возможность существенно поправить его финансовые дела, но с какой стати ей заниматься благотвори-

тельностью? Нет уж, дела отлично поправятся и чуть позже, когда в связи с кончиной супруга они перестанут быть чужими.

Письмо с описанием всех вышеперечисленных событий Сергей получил еще за две недели до запуска маяка, но сесть его обдумывать нашел время только сейчас.

«Итак, мы имеем нашего человека в Варшаве, — начал соображать император. Как раз там, где через два года в короли изберут Станислава Лещинского. Может, принять превентивные меры? Сейчас он во Франции, и там его не достанешь. Но сразу после смерти Августа он отправится в Польшу. Так почему бы в дороге с будущим королем не произойти какой-нибудь неприятности, коя закончится его преждевременной кончиной? И тогда дальнейшие события начнут развиваться в соответствии с установкой «нет человека — нет проблемы».

Однако вскоре Новицкий вынужден был признать, что в данном случае с исчезновением человека проблемы только размножатся. Во-первых, внезапная смерть кандидата в короли сразу вызовет вопрос — кому она выгодна? Очень неудобный вопрос, потому как от него недалеко и до ответа. Во-вторых, у Лещинского есть две дочери, одна из которых замужем аж за французским королем, и немало прочих родственников. То есть замену ему найдут быстро. Значит, он должен остаться в живых, но при этом провалить выборы в короли.

Вскоре основа плана была готова, и Сергей сделал пометку в блокноте. Настала пора реализовать одну давнюю задумку — создать что-то вроде НИИ народной медицины.

Бабка Настасья в числе прочих достоинств была и неплохой травницей. Но она говорила, что у нее есть подруга, коя ее в этом вопросе многократно превосходит. Вот, значит, пусть старушки на пару и создают для начала просто лабораторию, первая задача для нее уже есть, а особо большого финансирования явно не потребуется.

Ладно, с польскими вопросами на сегодня все, можно переходить к следующему пункту повестки дня.

Следующий пункт был последним и относился не столько к политике, сколько к технике. Нужно было решить два связанных между собой вопроса — что делать с управляющим контуром уже сработавшего маяка и куда пустить радиодетали, предназначенные для его ремонта, но так и не понадобившиеся?

Вообще-то Сергей довольно смутно представлял себе это устройство, за исключением системы питания и внешних измерительных цепей. Правда, в Центре ему сказали, что после выполнения задания контур переходит в его полную собственность и он вправе делать с ним что угодно. Так-то оно так, подумал Новицкий, но все же ломать такую красивую и сложную вещь почему-то не очень хочется. Хотя бы потому, что непонятно — зачем? Да и не факт, что там нет устройства самоликвидации. Мало ли чего говорили, но и такого варианта исключать нельзя. «Ладно, — принял решение молодой император, — упакуем контур в хороший сундук и поместим в подвал на длительное хранение. Насчет же радиодеталей...»

В распоряжении Сергея имелось пятнадцать мощных силовых транзисторов. На одном можно было собрать выходной каскад радиопередатчика мощностью в сто ватт, на двух — чуть больше двухсот. Два десятка мегагерцевых кварцев. Маломощных диодов хватит на сотню детекторных приемников, это если делать их с однополупериодным выпрямлением. Если же как положено, то на пятьдесят. Десяток быстродействующих операционников — их можно пустить на хорошие приемники прямого усиления. Рассыпную транзисторную мелочь — на средние. С супергетеродинными приемниками император связываться не хотел. Потому как схемы и описания в планшетах имелись, но вот реальный опыт их изготовления и, главное, настройки у молодого царя отсутствовал.

На составление производственной программы для

первоочередных нужд ушел весь оставшийся вечер. Новицкий решил, что начать нужно с изготовления трех комплектов, состоящих из стоваттного передатчика и среднего, то есть из рассыпных деталей, приемника прямого усиления. Один установить в Лефортовском дворце, второй в Летнем, а третий вместе с радистом переправить княгине Браницкой. Параллельно составить телеграфную азбуку и сделать ключ с пищалкой, чтобы будущие радиотелеграфисты могли тренироваться и без радиостанций. Да и самому это тоже не помешает, потому как радиодело Сергей изучал хоть и с разрешения руководства Центра, но самостоятельно и в свободное от обязательных занятий время.

Кроме радиотехники эта программа предусматривала и занятия прикладной химией — пора было начинать готовиться к производству капсулей. Подумав, император отвел себе две недели на решение — что окажется проще и дешевле в местных условия. Гремучая ртуть или составы на основе бертолетовой соли? Потому как генератор уже есть, получить хлор методом электролиза соляного раствора нетрудно, а уж пропустить полученный газ через подогретый раствор поташа — и вовсе простое дело. Вот только как бы все это потом замаскировать? Не производство, с ним все ясно, пропускная система уже работает на Нартовском заводе, хоть он и не достроен. Нет, с использованием-то как быть? Ведь секретное оружие перестает быть таковым почти сразу после его применения в боевых условиях.

Поразмыслив, Новицкий решил, что саму идею капсульного воспламенения не спрячешь. А вот состав и способ получения иницилирующего вещества — можно! И нужно.

Сергей вспомнил одну довольно сложную для понимания, но все равно интересную фантастическую книгу, прочитанную им еще до учебы в Центре. Там люди с монгольскими именами жили в каком-то странном

квадратном мире, разбитом на множество мелких и тоже квадратных островков, а посередине мира было ядовитое море. Так вот, порох в том мире получали сушкой некоего прибрежного растения. Значит, и у нас будет то же самое, только в отношении начинки для капсулей. Пусть, например, на севере Архангельской губернии растет разрыв-трава. На что она похожа? Ну, такая... эдакая... в общем, с листьями. Так вот, если ее аккуратно выкопать в ночь на полнолуние, корень сначала долго кипятить в моче молодого поросенка, а потом высушить, то после этого он у нас и будет взрываться от удара. Достаточно? Как-то не очень, вздохнул Новицкий. Желательно, чтобы вполне возможные неудачи желающих развернуть производство инициирующих взрывчатых веществ имели железное объяснение. Типа люди спутали разрыв-траву с... да с чем же? Например, с камалейником. Он на нее очень похож, но у него цветы маленькие и синенькие, а у разрыв-травы — побольше и скорее голубые. Впрочем, и то и другое растение цветет очень редко, только в ночь на Ивана Купалу.

Император достал лист бумаги, взял карандаш и приступил к составлению черновика указа о срочной посылке экспедиции под Архангельск, за корнем разрыв-травы. Причем это будет настоящий, а не фиктивный указ, и экспедиция действительно отправится именно туда. Потому как трава — она, конечно, травой, но и огнеупорная глина лишней не будет.

ГЛАВА 2

Еще в будущем, сразу после утверждения решения о том, чье место Сергей займет в восемнадцатом веке, он задумался, какое бы чудо-оружие туда привнести. И после недолгих размышлений остановился на ракетах. Молодой человек просто не понимал, почему эти замечате-

льные вещи были впервые массово использованы только в тысяча восемьсот седьмом году, когда англичане сожгли ими Копенгаген. Ведь примитивнейшее же устройство, Сергей сам не раз делал небольшие модели, улетавшие аж на полкилометра! И если вместо шеста сзади снабдить их стабилизаторами, то вообще получится вундерваффе. Эффективное даже против живой силы противника, ведь тогда повсеместно использовался плотный строй. А уж при осаде крепостей — и вовсе не заменимое. В силу каких-то соображений в планшетах имелось немало материалов по изготовлению пороховых ракет.

Для того чтобы понять, сколь невелика их реальная ценность, понадобилось совсем немного времени. Если точно, то минут пять. И произошло это сразу после того, как император решил резко интенсифицировать стрелковую подготовку Семеновского полка. Как только он сообщил, чего желает, ему тут же поведали, сколько это будет стоить, и озвученные цифры ставили жирный крест на всех мечтах о реактивной артиллерии.

Самым дорогим и дефицитным компонентом пороха была селитра. В основном ее получали в специальных селитряных ямах, куда складывались навоз, солома, иногда трупы животных, все это засыпалось землей и гнило несколько лет, пока образовывалась селитра. Причем для ускорения процесса эту мерзость полагалось время от времени откапывать и ворошить. Правда, селитра выходила в основном кальциевая с примесью натриевой, так что ее еще приходилось кипятить в растворе золы для замещения натрия калием. И все равно получалась дрянь, порох из которой был не очень мощным, но зато весьма гигроскопичным. Совсем недавно вместо золы начали применять какую-то горную соль с Урала, которая, по предположениям Новицкого, являлась хлористым калием. Селитра стала получаться лучше, но и ее цена тоже выросла.

И, наконец, можно было купить индийскую селитру у англичан. Это был более или менее чистый нитрат калия, но цена! В общем, преискурант выглядел примерно так:

самая дрянная и самая дешевая селитра из буртов — около десяти рублей за пуд;

она же, только обработанная уральской солью, — двадцать пять рублей;

индийская селитра — порядка сотни рублей за пуд, да и то не всегда: последнюю партию пришлось покупать по сто тридцать.

И это при том, что очень хорошая корова стоила рубль, а за гривенник в придорожном трактире можно было отлично пообедать, причем не одному, а с компанией. Какие уж тут ракеты! Ведь для доставки одного и того же веса к цели им требуется в разы больше пороха, чем пушкам. Да и самих их надо много — по некоторым сведениям, для сожжения такого не слишком большого города, как Копенгаген, потребовалось сорок тысяч штук. Да так на первой же самой маленькой войнушке разоришься! Понятно, почему даже богатые англичане, которым к тому же индийская селитра обходилась дешевле, нежели всем прочим, решились на массовое применение ракет только в начале девятнадцатого века.

Так что Сергей со вздохом отложил создание ракетных войск на отдаленное светлое будущее и начал думать об устройствах, которым для доставки снаряда к цели требуется минимальное количество пороха. В настоящее время это были мортиры. Несколько позже пальму первенства у них перехватят минометы. Но все равно с селитрой надо что-то делать, в этом нет никаких сомнений. Собственно, Новицкий уже представлял, что именно, но из-за возни с маяком дело было отложено до ее завершения. И, значит, наступила пора заняться им вплотную.

Молодой царь хотел основать Московский Императорский университет. Разумеется, он знал, что один уже есть в Питере, он был основан Петром Первым незадолго до смерти и сейчас называется Академическим. Более того, во время прошлогоднего визита в северную столицу император даже подкинул ему денег, но в Москве он собирался устроить нечто совсем другое.

Первым и главным отличием должно было стать то, что преподавать в нем будут исключительно российские подданные, ведь университет планировался закрытым учебным заведением. Правда, вопрос, где их взять, пока оставался открытым. Не то что профессоров — из шести потребных деканов в наличии имелось всего два с половиной!

Ясное дело, что руководить механическим факультетом придется Нартову, тут и думать не о чем. Второй беспорной кандидатурой был Витус Беринг, полгода назад вернувшийся в Москву из первой камчатской экспедиции, в процессе которой был почти открыт Берингов пролив. Почти — это потому, что бот «Святой Гавриил» шел вдоль российских берегов, и моряки не могли сказать, сколь далеко на восток простирается море, за которым вроде должна находиться Америка. В общем, вопрос, кому быть деканом географического факультета, особых сомнений не вызывал.

А вот с медицинским было не так просто, отчего Новицкий и считал, что у него есть всего половинка кандидата на пост декана. Потому что ее, эту половинку, звали Шенда Кристодемус. И трудность тут состояла не в том, что он ничему не мог научить будущих студентов. В том-то и дело, что мог, еще как мог научить их слишком многому! Разве это хорошо, если все будущие российские медики поголовно станут пройдохами и жуликами?

Однако с химическим, физическим и математическим факультетами дела обстояли еще хуже. Вообще-то

математику вроде бы мог взять на себя Мятный, но не сейчас, а только после того, как поработает под руководством Эйлера, для чего царь собирался взять своего придворного математика в Петербург. Но даже после этого из Александра Тихоновича декана все равно не выйдет и даже его половинки тоже. Может, со временем потянет на четверть, да и то не факт. Хотя, конечно, мужик он головастый. Новицкий уже убедился, что изобретенный им метод счета является не чем иным, как таблицей логарифмов, а прибор, сломанный о голову изобретателя его непосредственным начальником, — логарифмической линейкой. В общем, в ближайшее время господину Мятному предстояло с немалым разочарованием узнать, что и то и другое изобретено еще лет сто назад, хотя, конечно, заслуг Александра Тихоновича это почти не умаляет. Эйлер в деканы тоже не очень годится, даже если примет российское подданство; не любит он учительствовать.

С химическим же факультетом был полный абзац. Ну нет сейчас в России и даже за границей ни одного приличного химика! По местным меркам даже сам Новицкий вполне сошел бы за Менделеева. Но не преподавать же императору в университете?

«Кстати, а почему бы и нет? — сообразил Сергей. — Да, это могут неправильно понять, если узнают. Значит, надо читать лекции инкогнито, только и всего. Уже проверено — парик и накладные усы меняют внешность почти до полной неузнаваемости. Если же добавить в образ накладное брюхо приличных размеров, то она будет без всяких «почти». Ведь мне же самому нужны химики, а не адепты теории флогистона, подытожил свои рассуждения император. Значит, и готовить их придется мне. По крайней мере, самых первых. Какой бы псевдоним выбрать?»

Поначалу Сергею захотелось предстать перед студентами в образе Карла Иеронима фон Мюнхгаузена, но

вскоре он вынужден был признать, что, несмотря на всю привлекательность данного имени, в конкретном случае оно не подходит. Его носитель — явный немец, что само по себе не очень хорошо. Кроме того, к такому персонажу кто-нибудь может обратиться по-немецки, и что тогда? Ответ «их бин кранк» подходит далеко не во всех случаях, а в своей способности выдать что-то иное Новицкий сомневался, и вполне оправданно.

Результатом глубоких раздумий стало то, что Сергей решил принять имя Козьма Петрович Прутков. Тем более что афоризмов он помнил немало, а склад химреактивов все равно придется организовывать, так почему бы не назвать его Пробирной Палатой?

Место для будущего университета император уже присмотрел. Ведь после ссылки Ивана и Василия Долгоруковых в казну перешло их имение Горенки, вполне пригодное на роль рассадника знаний. Оно было удобно расположено — не настолько далеко от Москвы, чтобы путь туда представлял какую-то трудность, но и не в ней самой, благодаря чему будет нетрудно обеспечить пропускной режим на довольно большой территории. В двадцать первом веке это место называлось Горенским лесопарком, что в городе Балашиха. Сергей уже послал туда небольшую команду — составить подробный план, прикинуть, какие здания для чего могут использоваться, что придется строить заново и где ставить забор, дабы по территории университета не шастали лишние. Кроме основной задачи имелась еще одна — поиск талантов. Все приближенные молодого царя знали — ему нужны люди, умеющие что-то делать хорошо. Рисовать, считать, вырезать по дереву, искать лечебные травы, дрессировать собак и так далее, вплоть до пения. Кстати, до Горенок осмотровая команда работала в Узком, голицынском загородном имении, перешедшем императору по завещанию Михаила Михайловича. И привезла отту-

да молодого паренька, умеющего отлично перерисовывать. Именно так; рисовать пейзажи или портреты с натуры у него не очень получалось, а вот скопировать что угодно с плоскости на плоскость — это пожалуйста. В Узком он был учеником местного иконописца, оттого, наверное, его природные способности и развились столь однобоко, но Сергею как раз и нужны были именно такие.

Императорские покои в Лефортовском дворце состояли из четырех комнат, не считая, естественно, приемной, где сидел дежурный камердинер и стояли на посту два семеновца. Так вот, сразу за приемной располагался кабинет. Из кабинета можно было попасть в трапезную и спальню, а за ней находился маленький закуток площадью примерно десять квадратных метров, про который мало кто знал, а заходили туда до недавнего времени только Афанасий и Федор Ершовы. В этой комнатенке хранились вещи, извлеченные из контейнера. За исключением управляющего контура, недавно убранного в подвал. И вот уже четвертый день там работал Андрей Кротов, старательно перенося информацию с планшета на бумагу. Пареньку было объявлено, что перед ним величайшая ценность христианского мира — книга апостола Андрея Первозванного. В ней есть ответы почти на все вопросы, их только нужно уметь правильно задать. Почти — это потому, что на богохульные или просто дурацкие вопросы книга отвечать не станет, а пошлет вопрошающего далеко и надолго. Кстати, в планшете действительно имелась и такая функция, причем в нескольких вариантах.

Сергей встал, прошел из кабинета в спальню, а оттуда — в тайную комнатенку. При его появлении Кротов попытался вскочить, но император махнул рукой — сиди, во время работы субординацию соблюдать не обязательно.

— Как дела? — поинтересовался Новицкий, присаживаясь рядом.

— Второй лист готов более чем наполовину, государь, — доложил Андрей, тремя пальцами разворачивая изображение на экране. Получалось у него уже очень неплохо. — Ежели бы не перерывы, так я его сегодня закончил бы.

Рабочий день копировальщика длился девять часов с двумя двухчасовыми перерывами, во время которых ему предписывалось не только поесть, но и обязательно прогулять на улице.

— Без них нельзя, иначе скоро ослепнешь, — в который раз напомнил Кротову царь. Потому как отрывать иконописца от планшета действительно приходилось чуть ли не силой.

Сейчас он, высунув от усердия кончик языка, тщательно передирал второй лист альбома чертежей яхты «Спрей», на которой в самом конце девятнадцатого века отважный американец Джошуа Слокам совершил первое в мире одиночное кругосветное плавание.

Нет, Новицкий вовсе не собирался следовать его примеру, пусть даже не в одиночку, а в небольшой компании. Ему просто не нравилась ситуация, когда корабли вроде бы есть, но хоть сколько-нибудь далеко уплыть они не могут. То, что в прошлом году «Петр Первый» дошел до Ревеля, в будущем более известного под именем Таллин, а потом вернулся обратно, считалось немалым достижением. Поход в Копенгаген приравнялся к простому подвигу, а выход из Балтийского моря — к беспримерному. Во всяком случае, когда дед нынешнего императора отправил экспедицию на Мадагаскар, ее корабли вынуждены были вернуться из-за повреждений, не дойдя даже до датских проливов. Какой уж тут Клондайк, какая Австралия, какая Южная Америка или хотя бы Африка! Русский флот чувствовал себя хоть сколько-нибудь уверенно только в Финском заливе. Причем

тут имелся явно выраженный замкнутый круг. Плохие корабли делали любое плавание трудным и опасным, из-за чего походы были редкими. И морякам просто негде было набраться опыта, а с неопытной командой даже самый лучший корабль далеко не уплывет, зато быстро станет плохим. И все пойдет по следующему кругу.

Вот император и хотел разорвать эту дурную закономерность. Яхта «Спрей» — очень простое в управлении судно, это раз. И весьма недорогое в изготовлении, это два. Слокам практически в одиночку построил ее за тринадцать месяцев, так неужели двести человек на Адмиралтейской верфи не сделают десяток-другой за год? А дальше — пусть желающие учатся плавать на этих посудинках сначала по Маркизовой луже, а потом по Финскому заливу. Наберутся немного опыта, сдадут экзамен, и перед ними откроются сияющие перспективы. Экипажу, который первым сможет выйти из Балтики — личное дворянство, звание через одну ступень и денежная премия. Тем, кто пересечет Атлантику, — уже баронский титул, да и денег побольше. Ну а первым кругосветчикам — адмиральские чины, сотни тысяч рублей и титулы светлейших князей. К обучению будут допускаться все желающие, пусть даже из крепостных. Таким образом вверх смогут пробиться самые инициативные, готовые на риск. Флот получит хороших офицеров, а затраты на эту программу будут весьма умеренными. Денег от продажи одной императорской яхты хватит на два, а то и три десятка «Спреев». Да еще и на пропитание экипажам останется.

Конкретно этот проект Новицкий выбрал по многим причинам. Одной из них была простота и дешевизна, но только этим достоинства «Спрея» не ограничивались. Во время кругосветного плавания Слокам не раз попал в жестокие штормы, в одном из которых один раз даже утонул идущий тем же курсом большой пароход. А «Спрей» с экипажем всего из одного человека вышел

из этого испытания целехоньким. То есть он оказался весьма прочным и мореходным судном, несмотря на малые размеры.

Разумеется, Новицкий не собирался отправлять в походы одиночек, на такой яхте неплохо разместятся три, а то и четыре человека.

И, наконец, последней причиной, по которой в качестве прототипа был выбран именно «Спрей», являлись детские воспоминания Новицкого. Когда мать пила еще не каждый день, она часто читала маленькому Сереже очень интересную книгу про отважного капитана, могучего старшего помощника и хитроумного матроса, и были в той книге просто великолепные картинки. Так вот, уже в Центре, рассматривая чертежи парусных судов перед загрузкой их в планшет, будущий император заметил, что «Спрей» ему что-то очень сильно напоминает. Такое впечатление, будто он уже не раз видел этот кораблик, чего, естественно, быть никак не могло. И, наконец, Новицкий сообразил — да это же вылитая яхта «Беда» капитана Врунгеля! После чего в память планшета были загружены уже не эскизы, а полный альбом чертежей.

И вот теперь Кротов заканчивал копирование второго листа из семи. Собственно, только это и держало императора в Москве, а сразу после завершения копирования он собирался отбыть в Питер. Где лично проследить за началом постройки, потому что один из этих «Спреев» он все-таки хотел оставить себе. Даже в Кронштадт на нем плавать будет приятнее, чем на лодке, а там, может, и подвернется повод к более основательному путешествию.

Но, разумеется, закладка яхт была далеко не единственным делом из тех, что звали молодого царя в северную столицу. Нет, программа предстояла не менее обширная, чем в прошлый визит.

Первым делом следовало лично проинспектировать, каких успехов добился Василий Нулин на ниве добычи информации. Затем посетить дорогого гостя, то есть Карла Фридриха Гогенцоллерна, причем в компании с Платоном Воскобойниковым. Сергей помнил, сколь точно и быстро тот разобрался, о каком идеале тоскует душа тогда еще майора, а ныне лейб-гвардии полковника Шепелева, и подыскал среди бабкиных девиц подходящую могоканскую княгиню. Теперь сему достойному мужу предстояло оказать похожую услугу будущему прусскому королю.

Само собой, в будущем Сергей читал материалы, изобличающие Фридриха Великого в гомосексуализме, причем пассивном, но считал, что еще не все потеряно. Ведь всё это относилось к зрелым годам короля. Вполне возможно, что тяжелое детство в тени отца-тирана, молодость, существенная часть которой была проведена в заключении, и первые неудачи с женщинами в конце концов и привели к столь печальному финалу. Здесь же за дело возьмутся специалисты, так что по крайней мере про неудачи можно не беспокоиться, да и отсидеть парень успел совсем немного. А там, глядишь, место рядом с королем и займет какая-нибудь башкирская, чукотская или алеутская княгиня, у нас это не дефицит. Если же окажется, что предрасположенность к своему полу у принца врожденная — жаль человека, конечно, но это еще не повод опускать руки. В конце концов, в России тогда найдется какой-нибудь и вовсе альдебаранский князь.

ГЛАВА 3

С самого утра ученик первого класса Славяно-греко-латинской академии Михайло Ломоносов пребывал в несколько расстроенных чувствах. Причин тому было

несколько, но меж собой связанных. Главное огорчение вызывал, конечно, невесть куда пропавший серебряный рубль. Прямо напасть какая-то! Михайло отлично помнил, что, когда они с Пашкой Хромовым выходили из кабака, он был. А потом — вроде и дрались-то всего ничего, и падать оземь не привелось, однако рубль исчез! Пятак на месте, два полугроша тоже, а его, серебряного, как не бывало. И на что теперь жить, кто бы подсказал?

Налицо была и вторая причина для не самого радужного настроения. Или, если немного точнее, то на лице. А если сказать уж совсем прямо, хмуρο думал Ломоносов, рассматривая себя в отполированную бронзовую пластинку, заменявшую ему зеркало, то на харе. Потому как назвать иначе эту образину с подбитым глазом, расцарапанной щекой и порванной губой просто язык не поворачивается. И что за придурь такая у столичных — лезть в драку, не сняв перстней? Прямо хоть кастет начинай носить, право слово.

Однако только этим поводы для кручины не ограничивались. Потому как Михайло до сих пор толком не знал, кого он бил этой ночью. Нет, то, что эти невежи получили от души, оно, конечно, правильно. Нечего на такого безответного, как Пашка, задираться! Вот только говорил потом Хромов, что вроде это были не совсем простые людишки. Один из них служит не то в лейб-регименте, не то вовсе в кавалергардии, приходилось его Павлу видеть в охране государя. Так ведь он теперь, в себя придя, может самому царю пожаловаться! Не помещают ему, гаду, зубы выбитые, разве что царь его не с первого раза поймет.

Ломоносов с сомнением посмотрел на свой левый кулак. Костяшки были сбиты, и одна — почти до кости. Мало того, там, кажется, уже началось воспаление. Это что, у поганца зубы были не только гнилые, но еще и ядовитые?

«Ох выгонят меня, как есть выгонят», — хмуρο думал

молодой человек. Вот только продолжалось это совсем недолго, потому как в келью без стука вломился коридорный смотритель.

— Добегался, злыдень? — ласково спросил он. — Допрыгался? По душу твою поганую курьер прибыл аж от самого государя! Да с тремя семеновцами. Иди, глаза бы мои на тебя не глядели. Хватит тебе академию позорить! У молодого государя не забалуешь, он тебе мигом объяснит, как кулаки-то распускать.

Хоть и был Михайло отнюдь не робкого десятка, почувствовал он холодок меж лопаток. Быстро нажаловался, паскуда, надо было ему не зубы выносить, а шею сворачивать! А вдруг еще откроется, что он самовольно назвался при поступлении в академию дворянином, на самом деле будучи сыном простого помора, хоть и весьма зажиточного? Тогда тут уже не каторга светит, а сразу плаха. Бежать, что ли, пока вроде еще можно?

Нет, решил Михайло, вставая. Некуда мне из своей страны бежать. Ладно уж, чему быть, того не миновать, а государь, может, и помилует.

В Лефортовском дворце Ломоносова встретил раздетый в пух и прах господин — причем, судя по тому, с какой скоростью выполнялись его приказы, очень важный. Он внимательно посмотрел на лицо Михайлы, потом на его руки, покачал головой, но сказал только:

— Следуйте за мной, сударь.

И повел гостя по коридору к лестнице, далее на второй этаж, там опять по коридору. Путь закончился в небольшой комнате, где за столом сидел молодой парень в ливрее, а у двери, ведущей куда-то вглубь, стояли два солдата с фузеями.

При виде гостей сидевший привстал, повернулся к стене, передвинул на ней пару каких-то небольших рычажков и дернул за свисающий сверху шнурок. После чего раздался переливчатый звон, как будто от несколь-

ких маленьких колокольчиков. Вскоре эти колокольчики зазвонили снова, но уже несколько по-иному. Солдаты расступились, провожатый сделал шаг вперед, распахнул дверь и почтительно сказал:

— Прощу, господин Ломоносов. Государь ждет вас.

Вообще, поначалу планировалась несколько иная встреча, но император, когда ему стали известны подробности ночного происшествия, сразу и довольно резко изменил ее сценарий.

Ломоносов немного ошибался — его противник был не из кавалергардии и не из лейб-регимента. Бил Михайло преображенского поручика, а сам получил от унтера того же полка. Правда, потом и тому тоже досталось. Второй унтер, быстро оценив ход битвы, побежал вроде как за подмогой, но привести ее не успел. Да и не очень хотел, потому как главной задачей было пожаловаться Павшину, с которым он вроде как прятельствовал, а на самом деле просто состоял у капитана на жалованье.

Как раз наутро Тихон Петрович делал очередной доклад царю, в конце которого и сообщил, что трех его агентов отмутил какой-то студент из академии, в результате какового прискорбного события в ближайшее время свои обязанности они выполнять не смогут. В силу чего одного студента не помешало бы примерно наказать.

— Хорошо, давай разбираться, — кивнул Новицкий. — Итак, три гвардейца ночью встряли в драку. Это входило в их обязанности, хоть служебные, хоть те, что они перед тобой исполняли?

— Нет, — вынужден был признать Павшин.

— Двигаемся дальше. Насколько я понимаю, лейб-гвардеец — это человек, основной задачей которого является защита трона. А эти трое не смогли защитить даже себя! Всего от одного противника. И что будет, если на меня нападут хотя бы двое, при такой-то охране?

— Воины они, конечно, никудашные, но зато исправно осведомляют нас обо всем, в полку происходящем, чем заслуживают милости вашего величества.

— Вы так считаете, господин капитан?

При этих словах даже левая половина лица царского собеседника слегка изменилась, а уж правая выразила совершенно откровенную панику. Потому как нынешний император, в отличие от своего деда, никогда ни на кого не кричал, со всеми был вежлив, а с доверенными людьми — подчеркнуто дружелюбен. И величал он всех на «ты», за исключением тех случаев, когда они в чем-то не оправдывали его доверия. А вот тогда обращение менялось. И, например, чем-то проштрафившийся поручик Семеновского полка после подобной беседы просто исчез. Вообще, как будто никогда и не было такого человека.

— Да, ваше величество, — собрал остатки мужества Павшин. Он уже успел неплохо узнать царя и понимал, что отстаивать свое мнение сейчас небезопасно, но куда опаснее будет от него сразу отказаться.

— Ладно, тогда взвесим их деяния по пунктам. Итак, эти трое, небось еще и спьяну, затеяли драку. Явный минус. Не смогли справиться с одним студентом, что еще хуже. Зато благодаря их дурости я узнал о существовании человека, которому, похоже, самое место в моей охране, что явно заслуживает награды. В общем, Тихон Петрович, решай сам.

При этих словах у капитана отлегло от сердца.

— Вот тебе чек на пятьдесят рублей, получишь в кассе, — продолжил молодой царь. — А уж как ты будешь разбираться со своими людьми — твое дело.

«Теперь только бы тот студент подошел государю, — с облегчением подумал Павшин, — и вся эта история тогда даже послужит к моей пользе. Вот только деньги, пожалуй, все-таки придется передать на лечение постра-

давшему. Хотя ему, недоумку пьяному, и восьми рублей хватит. Или даже семи».

Однако через полтора часа императору сообщили фамилию отличившегося студента, и весь план аудиенции пришлось срочно менять. Надо же, Михаил Васильевич прорезался! Вообще-то Новицкий собирался привлечь его несколько позже, когда он хоть немного подучится, но, раз такое дело, придется искать место Ломоносову прямо сейчас. И, ясен пень, не в охране.

Михайло зашел в небольшую комнату, по центру которой располагался стол с двумя стульями, а император стоял рядом. И вовсе он не выглядел мальчишкой — если не знать, что ему всего пятнадцать лет, то с виду можно смело дать года на четыре больше. А в глаза посмотрев, еще столько же добавить, если не вдвое.

Ломоносов в некотором смущении отвел взгляд и наткнулся им на свое отражение в одном из многих зеркал, висевших по стенам кабинета. Господи помилуй, ну и рыло! В бронзовой пластинке оно и вполовину таким похабным не гляделось. А уж одеяние...

— Проходи, садись, встреча у нас сейчас неофициальная, так что ни кланяться, ни тем более на колени становиться не нужно, — приветливо сказал царь и сам первый сел на дальний от двери стул. — Как же это ты так, а? Я ведь как раз начал присматриваться к вашей академии, есть ли там способные ученики. И вдруг чуть ли не самый лучший из них такое учиняет! Будь любезен объясниться, Михаил Васильевич.

— За товарища я заступился, ваше величество! Хромову же Пашке Господь сил совсем не дал и характером обидел, он за себя постоять никак не может. Зато в латинском и греческом языках наипервейший.

— Вполне достойный мотив, — кивнул царь. — Вот только отчего ты дело свое прекратил на половине? Первому-то выдал от души, мне уже описали. Зато второй,

который тебе морду слегка попортил, на своих ногах ушел, а третий и вообще убежал.

— Так ведь угрозы от них более не было, — в полной растерянности пробормотал Ломоносов. — А что донесут, я только потом сообразил.

— Вот-вот, а про это нужно было думать сразу, имей в виду на будущее. Будем считать, что с дракой мы разобрались, и переходим ко второму пункту повестки дня. В академию свободно принимают лишь детей дворянских, а всех прочих только по распоряжению из моей канцелярии. Что, трудно было зайти сюда да спросить, кому оное дается? Вместо этого ты взял да и назвался дворянским сыном.

— Не знал я о том, государь, — опустил глаза Ломоносов, считая, что уж теперь-то ему точно конец.

— То есть в академии тебе ничего не сказали?

Не дожидаясь ответа, царь встал, подошел к стене, из которой торчали рычажки наподобие тех, что в приемной, перекинул ближний к двери вниз и дернул за шнурок. Раздался звонок, но не мелодично-переливчатый, а резкий и однотонный.

— Что не знал, это плохо, — продолжил император, садясь. — И то, что ты самовольно дворянином назвался, не подумав, насколько это легко проверить, тоже нехорошо. Но мы сейчас обе эти конфузии исправим, причем начнем со второй. На, держи.

Ломоносов взял бумагу и с удивлением, переходящим в обалдение, увидел, что это указ о возведении его в дворянское достоинство.

— Сам понимаешь, это аванс, его еще отработать придется. Слово такое тебе известно?

Михайло ограничился кивком, потому как горло свело, и слова из него никак не лезли.

Император снова встал, придерживав попытавшегося тоже вскочить гостя.

— Значит, ты со своим товарищем будешь сопровож-

дать меня в город Санкт-Петербург, куда мы отправимся послезавтра. В академии тебе, пожалуй, больше не учиться, но ты о том не расстраивайся, другие учителя найдутся. Сейчас сходишь туда за вещами, жить до отъезда будешь здесь.

Тут дверь отворилась, и в кабинет зашел мужик весьма внушительного вида. Ломоносов, в общем-то любивший иногда подраться, сразу понял, что против такого, в случае чего, ему вообще не светит — дух вышибет одним ударом. Царь же шагнул навстречу вошедшему, ласково с ним поздоровался и молвил:

— Ох, Федя, меня тут опять расстроили. Я, можно сказать, старался, писал указ, а на него взяли да наплевали. Вот и приходится тебя беспокоить.

— Сделаем, государь, — чуть наклонил голову здоровяк. Нормального поклона у него не получилось, ибо шеи, считай, вовсе не было — голова росла прямо из туловища. — Учить-то как — со всей силы али с бережением?

— Аккуратно, и в процессе, пожалуйста, не забывай, что тебе Пряхин говорил о любви к ближнему. В общем, чтобы человек потом смог на своих ногах уйти. Студент сейчас покажет, кто так странно выполняет мои указы. Михаил Васильевич, проводи Федора до академии и покажи, где там у вас сидит ректор. Пока Федя будет с ним беседовать, собери вещички, а потом оба возвращайтесь сюда, как раз и обед подоспеет.

Ломоносов подвел Федора к дверям ректорских покоек и отошел в сторонку — ему было интересно, что следует дальше. Долго ждать не пришлось — за полуоткрытой дверью раздался возмущенный возглас: «Куда прешь, обра...» — вдруг резко прервавшийся, вслед за чем из дверей с грохотом вылетел какой-то дьячок и, проелозив на спине до противоположной стены, там и

остался, не делая попыток подняться. А из-за двери слышался уже голос ректора:

— Ты кто такой есть, невежа?!

— Царский особоуполномоченный, — гордо ответил Федор. Еще бы, он, почитай, две недели ломал язык, пока научился выговаривать это мудреное слово! Но теперь оно выходит без запинок. Что там велел сказать ему царь перед вразумлением? Кажется, так: — Ты пошто, архимандрит, на императорские указы хрен кладешь? Его величество оным весьма огорчиться изволили. Поллучи, злыдень! — это Федор добавил уже от себя.

После чего раздался звук удара, за ним еще один. Потом что-то шлепнулось и заверещало. Покачав головой, Ломоносов аккуратно прикрыл дверь и отправился в свою келью за вещами, коих было совсем немного.

На сборы ушло несколько минут, после чего Михайло снова поднялся к ректорскому кабинету. У дверей переминался с ноги на ногу Федор, причем вид у него был какой-то смущенный. Дьячок по-прежнему валялся у стенки, но вполне живой, судя по его негромким подвываниям: «Ох, да что же это делается, ведь совсем меня убили...»

— Это самое, паря, — неуверенно обратился к Ломоносову особоуполномоченный, — сделай милость, глянь, что там с твоим начальником. Хватит ему али еще добавить? А то больно уж он ругается как-то не по-церковному.

Михайло заглянул в кабинет. Ректор стоял на четвереньках, тщетно пытаясь подняться, и матерился сквозь зубы. Ясное дело, «поплыл» после хорошего удара, с Михайлой такое тоже бывало. «Но ежели этот ему еще добавит, то как бы не преставился архимандрит», — подумал теперь уже бывший студент и решительно сказал:

— Хватит с него, пошли, мы уже долго здесь возимся, а во дворце нас сам государь ждет.